

10 апреля 1956 года в «Правде», на второй странице в необычном для хроники правом верхнем углу я прочитал два коротких сообщения. В первом говорилось, что Президиум Верховного Совета СССР освободил от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР Павла Павловича Лобанова в связи с переходом на другую работу и назначил на его место Владимира Владимировича Мацкевича. Этот зампред ведал делами сельского хозяйства. Чуть ниже следовало другое сообщение. Его я приведу полностью: «Совет Министров СССР удовлетворил просьбу тов. Лысенко Трофима Денисовича об освобождении его от обязанностей президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина утвержден тов. Лобанов Павел Павлович».

И все. Никаких переходов на другую работу, ничего. В пятидесятые годы такая формулировка считалась полной потерей позиций.

Необычное место, выбранное для такого рода информации – вместо нижнего правого уголка – на последней странице, означало, что сообщению придают определенное значение.

В середине пятидесятых годов я знал о Лысенко и проблемах генетики лишь то, чему учили в школе, и что можно было прочитать в популярных книжках: Трофим Денисович разгромил вейсманистов-морганистов, лжеученых буржуазных идеалистов, которые вместо решения важнейших для нашего сельского хозяйства проблем «гоняли» каких-то мушек-дрозофил. Надо сказать, что стереотип «идеализм и буржуазность» в сознании отца, да и в моем, был в то время накрепко приклеен к слову «генетика». Для меня оно было попросту ругательным. Теперь же мы идем правильным, мичуринским путем. Вспоминается и лысенковская яровизация картофеля, резко поднимавшая урожайность, – о ней я прочитал в какой-то детской книжке про пионерский школьный кружок селекционеров. Все годы, сколько я себя помню, о Лысенко твердили как о великом продолжателе учения Мичурина, он стал чем-то вроде Сталина в биологии. Со смертью Сталина ничего не изменилось, по-прежнему газеты пестрели рекомендациями Лысенко по всем вопросам сельского хозяйства: «О почвенном питании растений и повышении урожайности сельскохозяйственных культур» и «О повышении урожайности озимых посевов за счет смешивания суперфосфата с навозом» и многое, многое другое. И на тебе – Лысенко сняли! Эта новость грянула как гром с ясного неба. Прямо какой-то XX съезд в миниатюре. Едва дождавшись возвращения отца с работы, я бросился к нему с расспросами. Детали разговора мне, естественно, не запомнились, но общий смысл ответа сводился к тому, что Лысенко был замешан в нехороших делах (слово «репрессии» пока не вошло в употребление), а биологи никак не найдут между собой согласия. Будет лучше, если их Академию возглавит человек, не принадлежащий ни к какому лагерю. Лысенко же пусть пока поработает в своем институте, покажет, на что он способен.

По всей вероятности, не последнюю роль в отставке Лысенко сыграл отчет делегации Мацкевича о поездке в США, его раздел о чудесах, которое сулит внедрение в сельское

хозяйство гибридных сортов растений, особенно кукурузы. На гибридную кукурузу напирал и Гарст во время встречи с отцом в Ялте в прошлом году.

Лысенковцы беспокоились. Ведь успех гибридной кукурузы служил одним из аргументов в пользу их противников. Решили осторожно пощупать Хрущева.

– Теоретические споры оставьте при себе, – ответил отец, – в Америке гибридные семена дают хороший урожай. Послужат они и нам, а в теориях пусть разбираются ученые.

Так Лысенко проиграл свой первый бой. И вот теперь новое поражение, более крупное. Лысенко ушел в тень, но не сдался. Он выжидал, исподволь восстанавливал утерянные позиции, выискивал сторонников и в ЦК, и в Министерстве сельского хозяйства. Действовал он по-иезуитски хитро и расчетливо. К примеру, он продвинул помощника отца Шевченко в члены-корреспонденты Сельскохозяйственной академии, издавал его книги. В элементарный подкуп я не верю, не тот человек был Шевченко, да и без Лысенко он бы легко напечатал свои брошюры. Но то, что он попал под какое-то гипнотическое влияние Лысенко, тоже непреложная истина.

Шевченко, человек преданный отцу, преданный земле-кормилице и одновременно один из главных проводников «лысенковщины», доверенное лицо Трофима Денисовича – в ближайшем окружении отца.

Шевченко, сам агроном, уверовал в правоту Лысенко, а что касается генетики, то я просто не знаю, как далеко в ней простирались познания Андрея Степановича.

Вслед за Шевченко Лысенко «завербовал» и Василия Ивановича Полякова, тогда заведующего сельскохозяйственным отделом «Правды», а впоследствии секретаря ЦК. Они горой стояли за «нашего Трофима Денисовича», при каждом удобном случае нашептывали отцу, как его обижают, мешают работать. Я не раз задумывался: в чем тут дело?

Лысенко был непрост и неоднозначен. Он – агроном «от Бога», чувствующий землю и болевший за нее. Его агрономические рекомендации, пока он не выходил за рамки «смешивания суперфосфата с навозом» или яровизации, работали, и крестьяне им охотно следовали. С другой стороны, он настойчиво добивался запрета атомных, да и всяких иных, взрывов, так как, по его мнению, живая природа отторгает радиоактивность как чуждое всему живому, естественной природе. Он верил, что «Земля – живая, от взрывов она потеряет способность родить, испугается навечно, и все живое погибнет».

Если бы Лысенко оставался только агрономом... Но он не просто агроном, он «блаженный», уверовавший в свое предназначение, в собственную непогрешимость, изгоняющий дьявола, гнездящегося в недоступной его разуму генетике, охранитель непознаваемой, я бы даже сказал, божественной сущности жизни и природы от покушавшихся на нее «еретиков». Он и инквизитор, со всей по-инквизиторски непримиримой ненавистью к «отступникам от его истинной веры» формальным генетикам, с инквизиторской жестокостью расправ с ними. У него даже внешность соответствующая – аскет с горящими глазами. Лысенко представлялся сам себе чем-то вроде Жанны д'Арк в биологии.

Начиная с лета 1956 года Лысенко прилагал все усилия, чтобы вернуть утраченные позиции. Только восстановив их, он сможет продолжить «изгнание дьявола» из советской биологии. Лысенко хорошо знал отца, понимал, что его на мякине не проведешь, он поверит только тому, что можно пощупать собственными руками. И тут представился благоприятный случай.

Председатель Ленинградского областного Совета Николай Иванович Смирнов, кажется в 1957 году, точно не помню, вернулся из поездки в Австрию. Вскоре в газете «Правда» появился за его подписью подвал с описанием увиденных за границей «чудес». Сам аграрий, Смирнов особо отметил австрийские новации в сельском хозяйстве, в частности, упомянул, что они высаживают в грунт рассаду овощей не голыми корнями, а вместе с

кубиком земли, смеси перегноя и торфа. Процесс легко механизировать, поднимается производительность труда, а главное – рассада не болеет, урожаи повышаются.

Отец внимательно прочитал статью Смирнова, заинтересовался, позвонил ему в Ленинград, расспрашивал о деталях и в заключение попросил написать записку в ЦК. По ней приняли специальное решение, и отец, со свойственным ему энтузиазмом, стал пропагандировать заграничное изобретение. Когда кампания набрала силу, к отцу пришел Шевченко. Дело было в выходной, на даче, отец его нередко приглашал взглянуть на свои новые посадки. Среди других обсуждавшихся на поле вопросов гость, как бы невзначай, посетовал на то, что, мол, совсем забыли нашего Трофима Денисовича. Вейсманисты-морганисты не дают ему голову поднять. Сами ничего предложить не могут, вот и вымещают злобу на настоящем ученом, дающем так много сельской практике. Своего не видят и видеть не хотят, признают только то, что приходит из-за границы. На днях приходил к нему Трофим Денисович, много интересного рассказывал. У него есть хорошие предложения и как поднять урожай, и как надои увеличить. Свежий пример – торфоперегнойные горшочки, с легкой руки Смирнова все их теперь нахваливают. Лысенко же, оказывается, еще несколько лет назад предлагал внедрить в практику овощеводов точно такие же. Над ним только посмеялись. А пришла та же идея из-за границы – ее на руках носят. Не ценим мы своих ученых. Все стремимся пристроиться в хвост буржуазной науке. Опять все мухами занимаются, а о том, как урожаи поднять, народ накормить, у них голова не болит.

Гость достал из портфеля оттиск статьи Лысенко и передал ее отцу. Действительно, там речь шла о торфоперегнойных горшочках, на фотографии они выглядели точь-в-точь такими же, как австрийские. Отец недовольно пробурчал что-то о преклонении перед иностранщиной, о необходимости поддержки советских ученых и распорядился предоставить Лысенко все условия для творческой деятельности, оградить его от несправедливых нападок.

– Спорить – пусть спорят, – заключил он, – но условия для работы должны быть равными у всех.

С того дня дела Лысенко снова пошли в гору. Он писал в ЦК бесконечные записки, обещал поднять урожайность пшеницы, повысить жирность молока, все быстро и сравнительно недорого. Шевченко их исправно докладывал отцу. Лысенко снова стал штатным оратором на совещаниях. Если хоть что-то из обещанного Лысенко подтверждалось, отцу докладывали наперебой, если нет – то «Никиту Сергеевича предпочитали не беспокоить».

Следующий благоприятный для лысенковцев случай не заставил себя ждать. Происшествие казалось мелким, но оно наглядно показывало, какой психологический эффект может иметь любая мелочь, если ее хорошо приготовить и умело подать.

Два академика, Трофим Денисович Лысенко и Николай Васильевич Цицин, заспорили, чья пшеница урожайнее.

Цицин, директор Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве, человек не менее пробивной, чем Лысенко, но без одержимости последнего, проталкивал тогда ветвистую пшеницу, обещал с ее помощью многократно увеличить урожаи. Ветвистой этот вид пшеницы называли за то, что из зернышка вырастало не одно растение, а много, целый «ветвящийся» куст. Тем самым, считал Цицин, при одинаковом количестве высеваемых на поле семян, число колосков умножается, а следовательно, возрастет урожай. Логично, хотя и не очевидно, возражал ему Лысенко, каждому растению требуется пространство, одной травинке – меньше, пшеничному букету – в несколько раз больше. В результате выйдет так на так.

Я упоминал уже не раз интерес отца к селекционной работе. Он знал большинство селекционеров, авторов новых сортов пшеницы, подсолнечника, картофеля. Слышал он и о ветвистой пшенице и с Цициным общался не раз и не два. Академики через Шевченко обратились к отцу с просьбой рассудить их. Речь шла не просто о научном приоритете, победи-

тель получал право засеивать своими семенами колхозные и совхозные поля. В случае удачи выигрывали все: и страна, и автор. Ошибка в выборе перспективного сорта грозила потерей урожая со всеми выходящими отсюда последствиями.

Отец пригласил академиков в выходной день на дачу. Они долго гуляли по дорожкам парка, потом сидели на террасе и говорили, говорили, говорили. Каждый приводил массу доводов в защиту своей позиции. Разобраться, кто прав, кто виноват отец так и не смог. Тогда он схитрил и предложил соревнование. Неподалеку от загородной резиденции отца (мы тогда жили в Огарево, что в деревне Усово), за Москвой-рекой, у Ильинского раскинулось пшеничное поле. Отец взялся договориться с председателем колхоза, чтобы тот, под его ответственность, на один сезон выделил его спорящим. Каждый засеет половину, будет вести агротехнику, как считает нужным, а урожай покажет, кто прав. На том и порешили. Вспахали, удобрили, засеяли.

По выходным дням мы размещались в лодке, отец садился на весла. От Усова до Ильинского путешествие занимало минут сорок. Наконец мы у цели, высаживаемся на левом берегу. На поле, как правило, отца ожидали Лысенко и Цицин. Неподалеку, на пригорке, размещался дом отдыха Московского комитета партии «Ильинское». Я уже о нем упоминал. «Москвичи», естественно, считали своим долгом присоединиться к отцу. Словом, посещение опытного поля получалось многолюдным.

Сначала по всем признакам побеждал Цицин – на его половине растения кустились мощнее, зеленее. Отец подзадоривал Лысенко: «У Цицина-то пшеница лучше». Лысенко молча ходил среди растений, сначала на своей половине, потом у соперника. Что-то тихо бормотал, на подначки отца не отвечал. Когда пшеница подросла и уже начинала колоситься, он во время очередной «инспекции» отца, вырвал с корнем несколько цицинских кустиков, долго всматривался в корешки и стебельки и заявил, что на его половине поля урожай соберут, какой он обещал, а у Цицина получится пшик, растения перекормлены, зелень получилась пышная, а зерна не будет. Осенью предсказание подтвердилось. Авторитет Лысенко в глазах отца вырос, и тут же еще громче зазвучали жалобы на зажим идеалистами-вейсманистами ученых. Аграрии-политики в окружении отца настойчиво подчеркивали успехи Лысенко и бесплодность буржуазной лженауки. Отец не остался равнодушным, встал на защиту «настоящих» ученых.

Должен сказать, что по мере укрепления отцовской веры в Лысенко, я, напротив, сомневался все больше. Джеймс Уотсон (James Watson) и Френсис Крик (Frensis Crik) только что открыли спираль ДНК, и в научно-популярных, не биологических и не сельскохозяйственных, журналах появлялись статьи с описанием основных постулатов теории наследственности. Гены-хромосомы постепенно из абстракции превращались в нечто осязаемое. В конце концов, ученые их даже разглядели в электронный микроскоп. Как после этого отрицать их существование? Как теория может считаться идеалистической, если она оперирует чисто материальными объектами?

Несколько раз я затевал разговор с отцом на эту тему. Но он тогда окончательно уверовал в Лысенко, и мои пересказы прочитанного пропускал мимо ушей. И не только мои. Его пытались убедить академики Курчатов, Лаврентьев, Семенов и другие. Все напрасно. «Специалисты сельского хозяйства» сплоченно стояли за Лысенко. Противостояли же им математики, физики, химики, по мнению отца, в сельском хозяйстве мало понимающие.

Через какое-то время мне попала в руки книга биолога Жореса Медведева, описывавшая всю (сейчас хорошо известную) историю становления Лысенко и гибели биологической науки. Отпечатанный на машинке экземпляр и по сей день хранится на полке в моей библиотеке. Когда я прочитал ее, у меня волосы встали дыбом. Я решил во что бы то ни стало открыть глаза отцу, донести до него истину, спасти его от позора. Долго перебирал я аргументы, искал неотразимые доводы, выжидал подходящего момента. Несколько раз начинал

разговор, казалось, бесспорной посылкой: «Зачем ты вмешиваешься? Пусть ученые разберутся сами, тем более что полученные результаты подтверждают существование физической наследственной субстанции, ее просто видели».

Но ничего не выходило. Отец мрачнел, сердился и отбрасывал меня: «Ты инженер, ничего в этом не смыслишь. Тебя подговорили, и ты, как попугай, повторяешь чужие слова. Специалисты, люди знающие, говорят обратное».

В его аргументации была своя логика. Разные люди время от времени просили меня передать отцу их жалобы и прошения. На сей раз меня никто ни о чем не просил. Я помимо отца с биологами практически не общался, и от этого становилось еще обиднее. Я не понимал отца. Он всегда поддерживал дух соревнования. Ракетчики, авиаконструкторы, разработчики панелей для сборных жилых домов, тоже не на жизнь, на смерть боролись между собой, но в глазах отца их правоту определял только конечный результат.

Ради справедливости отмечу, что, вопреки возражениям Лысенко, отец в 1962 году подписал Постановление Правительства о создании в Пушкино, под Москвой, Биологического центра Академии наук. Там собрались отнюдь не лысенковцы, и биологией там занимались такой, как и во всем остальном мире. Но уже в следующем году Трофим Денисович взял реванш. Его сторонники в ЦК в январе 1963 года подготовили прозванное учеными «лоскутным» Постановление Совета Министров «О положении в биологической науке». Отец подписал и его. Оно, раздав «всем сестрам по серьгам», в заключение декларировало государственную поддержку Лысенко. Критиковать его снова стало и бессмысленно и опасно.

Отец теперь занял непреклонную позицию. Непробиваемыми аргументами стали столь необычные для него, позаимствованные из сталинского лексикона обвинения генетики в идеализме, в протаскивании к нам буржуазной идеологии. Я же продолжал упорствовать. Чаще один, иногда вместе с сестрой Радой, биологом по образованию, пытался донести до отца правду. Последнее столкновение произошло летом 1964 года. Я его очень хорошо запомнил. Был теплый вечер. Мы на даче в Горках-9 сидели на террасе, выходящей на Москву-реку. На небольшом плетеном столике отец, разложив бумаги, читал вечернюю почту. Выглядел он устало. Вокруг (каждый со своим делом) разместились Рада, я и Алексей Иванович. Такое совместное сидение было делом обычным. Внезапно, оторвавшись от лежащей перед ним папки, отец, ни к кому особенно не обращаясь, произнес какую-то фразу о достижениях Лысенко и кознях антинаучных идеалистов «вейсманистов-морганистов». Мы толком не поняли, к чему он сказал это, но не ответить не могли. Рада, а следом и я стали в который раз объяснять, что генетика – такая же наука, как и другие, никакого идеализма в ней нет. Тезис же Лысенко, что гена никто не видел – абсурд. Атом тоже никто не видел, а атомная бомба есть. Это довод казался мне несокрушимым. Изредка вставлял слово Алексей Иванович.

Наши аргументы почему-то рассердили отца. Возможно, потому, что возразить по существу он не мог, а согласиться с нами не хотел. Хотя дома он никогда не кричал, сейчас же распалился и повторял в повышенных тонах свои старые доводы: нас-де используют нехорошие люди в своих целях, мы, не зная дела, повторяем чужие слова. Наконец отец окончательно вышел из себя и заявил, что не потерпит носителей чуждой идеологии в своем доме, а если мы будем упорствовать, то чтоб не смели попадаться ему на глаза. Словом, получился скандал. Вместо ожидаемой после прочтения почты прогулки, рассерженные и расстроенные, мы разошлись по своим углам.

Что же произошло? Оказывается, перед самым отъездом с работы к отцу пришли «специалисты» по сельскому хозяйству. Они принесли очередной ворох жалоб на «идеалистов», не дающих жить и работать «настоящим» ученым, а особенно Трофиму Денисовичу. Не забыли упомянуть нас: мол, подпевают им Рада с Сергеем, не со зла, конечно, по недомыслию... Переутомленный отец их молча выслушал и расстроенный уехал домой. Весь вечер

все это в нем копилось, кипело и в результате выплеснулось на нас. Утром о вечернем инциденте не вспоминали. Отец, видимо, стыдился своей несдержанности, но цели своей Трофим Денисович достиг. Надолго были перекрыты любые наши попытки втянуть отца в разговор о генетике, а после октября 1964 года, отставки отца, спор потерял практический смысл.

В период отставки я не заговаривал с отцом о Лысенко, не желал доставлять ему лишние неприятности. Иногда гости задавали ему этот неудобный вопрос, и он, правда без особого запала, не ругая уже «вейсманистов-морганистов», защищал Лысенко как практика, много сделавшего для нашего сельского хозяйства.

История с Лысенко – очень неприятный эпизод в жизни и деятельности отца, ошибка на фоне множества достижений и побед. Все мы не без греха. К сожалению, по истечении десятилетий победы потускнели, достижения позабылись, а о Лысенко помнят все. Очень мне это обидно, но ничего не поделаешь.

День за днем

1956 год нес все новые и новые перемены: отменялись старые Постановления, возвращались из небытия, казалось бы, навсегда забытые имена, принимались еще немыслимые вчера решения. За два года, прошедшие с момента отстранения Берии от власти и его ареста, новый Председатель КГБ генерал Серов ощутимо перешерстил свое ведомство, более шестнадцати тысяч человек из «органов» уволили, на их место пришли новые, не отягощенные грузом прошлого люди.

10 января в Москве оперой «Порги и Бесс» Джоржа Гершвина открылись гастролы американской труппы «Эвери Мэн». Всего три года тому назад, 10 января 1953 года, такого и вообразить себе не мог никто. Теперь же они в Москве «открывали» нас, а мы их.

18 января 1956 года начались богослужения в Ленинградской соборной мечети, закрытой в 1940 году.

26 января 1956 года прекратила свое существование советская военная база Поркалла Удд вблизи Хельсинки.

2 февраля присвоили звание Героя Советского Союза татарскому поэту Мусе Джалилю. Во время войны он попал к немцам в плен и умер в Моабитской тюрьме в Берлине. После победы нашли тетрадь его тюремных стихов и запихнули ее в лубянский архив, по сталинским законам Джалиль считался предателем. Теперь стихи опубликовали, а Муса Джалиль стал героем.

9 февраля, в Колонном зале в Москве прошел вечер, посвященный 75-летию со дня смерти Федора Михайловича Достоевского, в газете «Известия» появилась статья о нем. В ней Достоевского назвали «Великим русским писателем». В мои школьные годы он считался реакционером, его романы не печатались, в школьных учебниках о нем не упоминалось даже в параграфах, набранных мелким шрифтом, где скопом перечисляли не очень значительных писателей, которых учить не обязательно. 10 февраля в Москве открылась музей-квартира Достоевского. О «возвращении» Достоевский судачила вся Москва.

7 марта 1956 года «Правда» опубликовала обширную «ревизионистскую» статью лидера испанских коммунистов Пальмиро Тольятти «О возможности парламентского пути перехода к социализму».

В след за отцом он подводил черту под чисто революционной стратегией смены власти в современных условиях.

8 Марта, в Женский день, объявили о сокращении продолжительности рабочего дня в субботу с 8 до 6 часов. Одновременно началась подготовка к переходу с 1957 года на семичасовой рабочий день, а затем, с 1958 года – на пятидневную рабочую неделю. Так планировал отец, но министерства, Госплан и Госкомтруд сопротивлялись. По их мнению, сокращение рабочего времени пагубно отразится на пятилетке. Под давлением справок, докладных и других аргументов отец сдал позиции, нововведения пришлось отложить. В результате семичасовой рабочий день вместо 1956 года установили только в 1960 году, а пятидневку и вовсе ввели уже после отца. В 1956 году ему удалось продать только сокращенный шестичасовой рабочий день для подростков от шестнадцати до восемнадцати лет, «украденный» у них Сталиным в 1940 году.

26 марта Указом Президиума Верховного Совета продлили отпуск по беременности с 77 до 112 дней.

В марте 1956 года вышел первый номер литературно-политического журнала Союза писателей СССР «Наш современник».

28 марта 1956 года Президиум ЦК уже в который раз обсуждал, что делать с Дворцом Советов, 460-этажным небоскребом, венчаемым памятником Ленину огромных размеров. Решение о его сооружении еще в 1922 году принял Первый съезд Советов. Через десять лет знаменитый архитектор Борис Михайлович Иофан, автор построенного напротив Кремля дома правительства – «Дома на Набережной» – закончил проект Дворца Советов и предложил «посадить» его на место «бездарного» храма Христа Спасителя архитектора Константина Андреевича Тонна, возведенного в 1837–1883 годах. Сталину идея Иофана понравилась. В 1931 году храм взорвали, вырыли котлован, заложили фундамент, и тут грянула война. Строительство застопорилось. В 1956 году новая власть решала, что делать с затопленными водами Москвы-реки котлованом? К небоскребам в Москве отец относился однозначно отрицательно, их строительство чрезвычайно дорого, а земли у нас пока достаточно. Но отказаться от строительства он тоже не мог, ведь это памятник Ленину, освященный еще Ленинским съездом Советов. Вот и «волянил» он этот вопрос сколько мог. Предложил памятник Ленину и сам Дворец разделить, объявить новый конкурс. Ворошилов не согласился, призвал «не отказываться от проекта тов. Иофана». Договорились вернуться к этому вопросу в будущем.

Разрешили вопрос 28 декабря 1956 года, когда Совет Министров СССР постановил проект Иофана сдать в архив, объявить конкурсы на Дворец и на памятник Ленину отдельно. Памятнику отвели место напротив университета, над Москвой-рекой, где впоследствии соорудили лыжный трамплин, а Дворец решили разместить рядом с пантеоном, в трех километрах позади университета.

Со временем отказались и от пантеона, и от Дворца Советов, памятник Ленину перенесли на площадь пересечения проспекта его имени и Садового кольца, а залитый водой котлован переоборудовали под бассейн «Москва». Отец пожалел «зарывать» в землю стоявший столько трудов мощный фундамент Дворца Советов, решил его таким образом законсервировать до лучших времен. Он тогда говорил: «Пусть будущие поколения сами

распорядятся, что возвести на его основе». Распорядились. Теперь на этом месте стоит точная копия «бездарного» проекта архитектора Тонна. Не знаю, как другим, но мне храм нравится.

8 апреля в Москву приехал из США Давид Бурлюк, перед революцией знаменитый поэт-футурист, скандалист, борец за свободу самовыражения в искусстве и вообще борец. В 1920 году он уехал из своей родной Одессы на Запад, обосновался в США. Его приезд обрадовал далеко не всех. Скульптор Евгений Вучетич даже написал в инстанции протест. В ЦК посчитали «опасения тов. Вучетича, что Бурлюк сможет оказать вредное влияние на нашу творческую молодежь, необоснованными» и отправили его письмо в архив.

26 апреля отменили сталинский закон, требовавший четырехмесячного тюремного заключения за опоздание на работу и шестимесячного за прогул без уважительных причин. Одновременно отменили «крепостное право» в промышленности – закон от 19 октября 1940 года, предоставлявший министерствам право переводить работников с предприятия на предприятие, переселять их в другие города, естественно, без предоставления жилья, не спрашивая на то согласия и запрещавший «крепостному» самовольно увольняться с работы. Было и такое.

29 апреля окончательно отменили принятое в 1934 году после убийства Кирова и «замороженное» в августе 1953 года сталинское законоположение «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» и другие постановления, узаконивавшие специальные трибуналы, пресловутые «тройки» – основу творимого Сталиным произвола. Теперь для того, чтобы осудить человека, требовалось пройти через процедуру, пусть и весьма несовершенную, судопроизводства.

1 Мая впервые вся страна могла смотреть по телевизору военный парад и демонстрацию, проходившие на Красной площади в Москве.

9 Мая, в день Победы, опубликовали для всеобщего обсуждения проект закона о пенсиях, предусматривающий их повышение с заработка до 350 рублей – 100 процентов, и далее с понижением. С тысячи и более рублей дохода пенсия составляла уже 50 процентов, но не выше 1 200 рублей. За непрерывный стаж свыше 15 лет добавляли еще 10 процентов (после денежной реформы 1961 года соответственно 30 и 120) рублей в месяц. Этот проект обретет статус закона после утверждения на Сессии Верховного Совета в июле 1956 года.